

Молодой господин Чжоу, наблюдавший за суматохой вокруг Су Хуэйи, сначала злорадствовал, но, услышав это, тут же сдержал улыбку. Даже он, став жертвой чужой оплошности, не позволял себе таких гадостей, так к чему же эта женщина так ядовито ругается?

«Белый лотос», на которую обрушились слова, тихо всхлипнула:

— Я правда не нарочно... К тому же, как можно сравнивать людей? Я налетела только на господина Хэ... я же не бросаюсь на всех подряд...

Су Чи остановился, и Су Хуэйи тоже замер. В этот момент ему захотелось аплодировать обеим женщинам! Блестяще, просто блестяще. Ну с чего им быть соперницами? Стали бы сестрами — какая была бы гармония! И ведь обе как сговорились — так и норовят его пнуть.

Подтекст был очевиден: «Я налетела только на одного и не со зла, я совсем не такая, как этот яркий и вульгарный тип, который бросается на всех подряд».

Су Хуэйи смотрел на них с восхищением, а вот лицо Су Чи помрачнело.

Раз уж у Су Хуэйи и есть проблемы, то решать их внутри семьи должен он сам — у посторонних нет права порочить члена семьи Су. Давление, исходящее от Су Чи, пронеслось по залу, словно поток ледяного воздуха. Шумные обсуждения вокруг внезапно стихли, будто в бурлящий котел плеснули ледяной воды.

Су Чи обвел взглядом присутствующих и уже собирался что-то сказать, как вдруг прямо перед ним вынырнула пушистая макушка, а над ней забавно покачивались две непослушные прядки.

Су Хуэйи засунул руки в карманы, встал, вытянувшись в полный рост перед глазами изумленной толпы. Он слегка приподнял подбородок, и его мягкое, обычно спокойное выражение лица приняло резкие очертания. Тон, впрочем, остался подчеркнуто вежливым:

— Мисс Белый лотос...

Белый лотос застыла:

— Меня зовут не Белый лотос...

Су Хуэйи услужливо поправился:

— Прошу прощения, мадам Белый лотос.

Окружающие не сдержали смешков. Белый лотос лишилась дара речи.

Су Хуэйи лениво протянул:

— Как первопроходец в области «случайных наездов» на людей, могу сказать: подобное поведение — это всегда намеренно. В этом деле нужна техника, как в броске мяча: важно рассчитать момент, угол и скорость. Не каждый с этим справится.

Чжэн Цинь перестала истерить и с торжествующим видом погладила живот, глядя на Белый лотос свысока. Хэ Цзин стоял в стороне, храня молчание. Лицо Белого лотоса исказилось от досады:

— Я ведь сказала, люди разные...

— Конечно, разные. Вот я, например, никогда не «наезжаю» на женатых мужчин.

Быть разлучницей куда постыднее, чем просто попадать в неприятные ситуации по неосторожности. Раз его предшественника высмеивали только за его криворукость, значит, тот еще не опустился до роли любовника. Хотя, быть может, он просто боялся лишних хлопот.

Белый лотос, роняя слезы, возмущенно пролепетала:

— Кто знает, что ты...

Су Хуэйи перевел взгляд на наблюдающего за всем этим Молодого господина Чжоу и, вспомнив, как тот вел себя в начале вечера, решил рискнуть.

— Молодой господин Чжоу, у вас ведь нет девушки?

Тот, не ожидавший, что его втянут в разговор, опешил:

— Да черта с два у меня есть девушка! — он спохватился и хмыкнул: — А ты точно подметил, все были свободны.

Видимо, он не ошибся. Молодой господин Чжоу оказался вполне адекватным и понимающим повесой.

Су Хуэйи мысленно поставил ему «отлично» и снова повернулся к Белому лотосу:

— Слышали?

Лицо Белого лотоса вмиг стало мертвенно-бледным. Она смущенно обхватила себя руками, съеживаясь под презрительными взглядами и язвительными шепотками окружающих.

Присутствующие здесь отпрыски богатых семей и светские львицы умели отличать добро от зла. Хотя поведение «маленького поезда» вызывало у них раздражение, по крайней мере, у него была некая черта, которую он не переступал. В сравнении с этим, поступок разлучницы выглядел куда отвратительнее.

Молодой господин Чжоу дважды моргнул и вдруг рассмеялся.

Разделавшись с Белым лотосом, Су Хуэйи с видом важной птицы снова сунул руки в карманы и вернулся к Су Чи. Он чуть наклонил голову и приглушенно произнес:

— Брат.

Взгляд его говорил: «Я закончил свое выступление, пошли скорее отсюда».

Су Чи внезапно понял, что скрывается за этим взглядом, и уголок его губ дернулся. Он обвел зал предупреждающим взором и, опустив глаза, бросил:

— Уходим.

Су Хуэйи тут же послушно проследовал за ним.

Две фигуры — одна уверенная и жесткая, другая расслабленная и беззаботная, — удалились из зала. Они так не походили друг на друга, но в том, как они шли, чувствовалось странное, едва уловимое единство.

Лишь когда они скрылись из виду, присутствующие начали приходить в себя.

«Твою мать, единство? Должно быть, это сегодня произошло столько странностей, что у меня начались галлюцинации!»

«Хотя... этот «маленький поезд» из семьи Су совсем не такой, как о нем говорят. Неужели он все это время притворялся дурачком?»

...

Покинув мероприятие, Су Чи и Су Хуэйи сели в машину и направились домой. Водитель усердно крутил руль, а они сидели на заднем сиденье плечом к плечу.

Как только они отъехали, Су Хуэйи снял пиджак, отложил его в сторону, и его непринужденная поза тут же обмякла:

— Ох... чуть сердце из груди не выскочило.

Впервые в жизни пришлось так «играть» на глазах у стольких людей!

Су Чи искоса глянул на него:

— По-моему, ты был на высоте и просто блистал.

Су Хуэйи неуверенно потер нос, решив, что брат упрекает его за участие в этой заварушке:

— Ну, Чжэн Цинь еще можно понять: она пострадавшая, к тому же беременна, поэтому излишняя эмоциональность простибельна — я ведь взрослый мужчина, не стану с ней спорить. Но мадам Белый лотос — это уже перебор. Оправдывайся на здоровье, чего цепляться к моим словам? Я ведь тоже не железный.

Су Чи хотел усмехнуться, услышав «мадам Белый лотос», но сдержался.

Су Хуэйи продолжал искать оправдания:

— К тому же я сегодня выпил, немного развезло. Мужчины после алкоголя становятся импульсивными, понимаешь? — закончив, он сам себя одернул: — Хотя нет, ты, наверное, не поймешь.

Су Чи человек здравомыслящий и сдержанный, даже если бы он выпил, это бы его не разгорячило.

Су Хуэйи, читая роман, всегда считал Су Чи персонажем с богатым внутренним миром, но все его чувства были загнаны в строгие рамки — любовь и ненависть, радость и гнев, всему своя мера. Неужели кто-то действительно может так идеально контролировать эмоции? Су Хуэйи невольно задумался: наступит ли когда-нибудь день, когда Су Чи позволит себе сорваться, отринув разум ради человека или события?

— С чего ты взял, что я не пойму? — спросил Су Чи.

«Ну, у меня взгляд свысока, конечно, я знаю», — подумал Су Хуэйи.

— В такой ситуации, как сегодня, я повел себя импульсивно, но ты бы так точно делать не стал.

Су Чи не подтвердил и не опроверг.

Впервые в жизни Су Хуэйи так «покрасовался». Он оперелся о кожаное сиденье и, наклонившись к самому уху брата, выдохнул, заставив Су Чи слегка отстраниться:

— Старший брат, я сегодня был крут? Произвел впечатление?

Су Чи дернул уголком рта:

— Первопроходец в области наездов — безусловно, производит впечатление.

Су Хуэйи:

— ...

За окнами автомобиля сгустились сумерки. Изредка мимо проносились магазины, и неоновые огни, пробиваясь через стекло, ложились на кожаную обивку сидений неправильными светлыми квадратами.

В наступившей тишине Су Чи неожиданно произнес:

— В следующий раз, если встретишь человека вроде Чжэн Цинь, можешь не терпеть.

Су Хуэйи повернулся к нему. Машина уже выехала на шоссе, фонари проносились мимо, разделяя свет на полосы, которые ложились на суровый профиль Су Чи. Линии света и тени тянулись от внешнего уголка его глаза до самой переносицы.

В глубине глаз Су Чи играли блики света.

— Если пострадавший превращается в агрессора, он больше не заслуживает жалости. Особенно если это касается невинных людей — никакие невзгоды не могут быть оправданием.

В салоне воцарилась тишина. Су Хуэйи слышал собственное дыхание, ставшее в полумраке размеренным — инстинктивная реакция человека в состоянии напряжения. Ему показалось, что эти слова были адресованы в первую очередь самому себе.

Су Чи повернул голову, встретившись взглядом с красивыми глазами Су Хуэйи.

— Ты понял?

Су Хуэйи тихо ответил:

— Угу.

При тусклом освещении его глаза казались невероятно чистыми, почти неестественно. В этой замкнутой, личной атмосфере у Су Чи из самых глубин неожиданно поднялось странное чувство: одновременно усталость и робкая надежда.

Если бы это было правдой... Если бы это было по-настоящему, он бы тоже любил этого младшего брата так же искренне, как Су Цзитун.

Они вернулись домой до восьми вечера. Юй Синьянь услышала звук открывающейся двери и вышла в прихожую, увидев, как Су Чи, опираясь ладонью о стену, снимает обувь, а Су Хуэйи послушно держит их верхнюю одежду.

— Почему так рано?

Вечеринки обычно длятся не меньше пары часов, не считая времени на дорогу, значит, они пробыли там около часа. Испуганная, она спросила:

— Вас что, выставили за дверь?

Су Хуэйи восхитился ее богатым воображением:

— У меня просто разболелась голова от алкоголя, и старший брат привез меня обратно.

Юй Синьянь с облегчением вздохнула, но, вспомнив про шишку у него на лбу, добавила:

— Надеюсь, ты выпил немного? Рана-то еще не зажила. Я велю на кухне приготовить вам бульон, поедите — и сразу отдыхать.

<http://bllate.org/book/18282/1752273>